

ПЕРЕСТРОЙКА И ТЕАТР

За кулисами

ЖИЗНЬ театра за кулисами — это тоже театр. Вернее, тоже — драма. Вот не сколько сцен из семейной жизни труппы...

Открывается занавес... И представит «занавеса другой: разноцветные детские распашонки — на бельевой веревке через весь коридор актерского общежития. Распахнутые двери не таят единственного богатства этого пятикомнатного мурaveйника: детских крошечек и книжных полок.

Выходной. Собрались все в комнате актрисы Надежды Сулеймановой.

«Хватит быть «консервным заводом», — пылко говорит Надежда. Пояснил: так с горькой иронией вырывается русскую труппу Туркменского театра за рекорд по «законсервированным», т.е. творчески неостальным спектаклям.

«Столько молодежных проблем вокруг, а мы зациклились на «Волшебной палочке!» — перебивает Юра Коробилин.

«Надо смелый освободиться от стереотипов!» — подхватывает Юра Марченко.

«Ребята, неужели завтра снова на репетицию воду в ступе толочь будем!» — возмущается всех и прозе жизни Лена Коробилина.

У НАС витает какой-то дух безысходности, и многие из нас уже злятся, — говорили мне в театре «старички» русской труппы.

Но прежде — вот в чем. По всей стране труппы долгое время страдали от нехватки в своих запросам и проблемам. Как говорится, в сравнении со «зрелым» театром у труппы и труба покорежена, и дым покорежен. Лозунг «все лучше — детям!» во многих детских театрах оставался лишь пожеланием: деньги слаба у них материально — техническая база, непреодолимые трудности с помещением и ремонтом, проблемы из-за малочисленных цехов.

Желаю выражаться из тисков немую насаждаемой издательской труппой «специфика», уходящих талантливых драматургов, режиссеров, актеров... Произошел кризис зрительского доверия. Даже словесно появилось обидное, но меткое: труппы.

Все это испытан на себе и Туркменской театр юного зрителя им. А. Кулимаева. Зданию бывшего кинотеатра,

в котором расположен труппы, нужна операция, то бишь, реконструкция, а ему упорно «прописывают» румяна. Конечно же, не отвечает оно назначению детского театра — ни с практической, ни с эстетической точки зрения. Но, с одной стороны, — хоть как-то крыша над головой. А с другой — залы не благоустроены, допотопная сцена.

Кроме того, за коротким словом «труппа» все эти годы стоит, если посмотреть реально, не один, а два театра — туркменская и русская труппы. А вот средства отпускаются, как на один — 21* тыс. рублей, и план выпуска спектаклей, как на один — семь премьер в сезон.

Многие невзгоды труппы повседневной жизни делают труппы по-разному: маленькая зарплата, с годами усугубляющаяся жилищная неустроенность (многие даже прописки добиться не могут). Но вот оказались все же в разных «весовых категориях»...

Туркменская труппа — в общем, интересный стабильный коллектив с здором популярными и сильными актерами. В их творческом активе постановки — «Женитьба» Гоголя, «Отелло» Шекспира, «Мать» Чапека, «Старший сын» А. Вампилова, «Матускули» — Фрега А. Агабаева. Ярым событием минувшего сезона стал спектакль «Ящерица» по пьесе А. Володина, осуществленный главным режиссером труппы К. Ашировым, что отмечено и зрителем, и прессой, и на прошедшем в мае этого года в Тбилиси Всесоюзном фестивале молодежных спектаклей.

Иные дела у русской труппы. Хотя и были проблески в отдельных спектаклях, но в целом творческое лицо коллектива туманно. Здесь полностью кадровый «исчезновение»: четвераста актеров пришли и ушли отсюда за 14 лет. Всегда в дефиците режиссеры. Лишь один актер с высшим специальным образованием. Вот и получают пресловутые «консервы».

Но никоим образом не о противопоставлении двух трупп идет речь. Речь — об изначальном, 14-летней давности, неразумном решении, по которому русская труппа стала «двоемкой» и труппу, у которого по сей день словно угол сгнил.

Листаю блокнот, распухший

от записанных монологов.

Владимир Абрамян, режиссер:

«План нашей труппы — три постановки в сезон. Да можно ли серьезно говорить о профессионизме режиссера и актера, сидящих на таком голодном лайке! Ведь это же больше полугода без дела...»

Людмила Попова, актриса: «В угоду плану спектакли приходится в хост и в гриме эксплуатировать на гастролях. Даже привычная работа «замыряется», амортизируется».

Виктор Давыдов, актер:

«Можете представить себе актера, который за сезон сыграл лишь роль... шныря в юнговодной сказке!.. Мы выполняемся на «амкулатуре», истощаемся по дорожке драматургии и режиссура. Стыдно зарплату получать. Каждый раз в театр с болью иду!»

Ощущение себя не у дел порождает бесприютное разламывание, как одна «испуг», вытравляет самоуверенность и то неуловимое, что в бы назвали статью актерской души. И вот уже кто-то пришел на репетицию «с душком», не следит за внешним видом, может выйти на сцену с жевательной резинкой... А по зонтичному залу в это время привычно бегает холерка «с бава» — гулять ей в театре тоже не возбраняется. Иной актер заходит в театр лишь «отметиться» работой да него дано стала «театурная» на стороне.

РУССКАЯ труппа рвется из под «родительской крышки». Обсуждаются варианты: стать театром в Краснодаре или Небит-Даге, малой сценой Русского драматического театра им. А. С. Пушкина. Найти, в конце концов, удобный подвал для молодежного театра... Но только — скорей отсюда, скорей — все с нуля!

Что скрывать — мы наметили примерами перестройки театральной жизни страны: эксперимент, зоркость, самостоятельность, получение права «гражданства» новые театры-студии. Даже в самом МАХАТе, оказывается, «ничего не вечно под луной»!

Казалось бы, стоит только затеять...

Но нужен ли еще один театр в Ашхабаде, если другие пустуют? Именно потому и ну

жен: зритель вправе выбирать себе тот театр, который ему интереснее.

Надо ли говорить, как не хватает сегодня именно такого — дерзкого, злободневного и поэтического одновременно театра, где молодой зритель мог бы реализовать потребность в неформальном и демократическом общении. Театра, который бы покончил с лозунгом «План — любой ценой!», придумал бы нестандартную рекламу, был бы изобретателен во всем! Как важно привлечь молодежь серьезным разговором о жизни, а не легкомысленным пустяком: ведь само время выводит ее на авансцену событий.

НУ, КТО ЖЕ против стремления молодых поймать ветер обновления в свои паруса? Вопрос в другом — а хватит ли мускулов, чтобы потом ими управлять? Есть ли кому стать у штурвала? Не выйдут ли первая же волна, что поит нипто из команды и плывет то толком не умеет!.. Словом, готова ли труппа к тому переустройству, за которое так горячо ратуют?

Увы, применительно к русской труппе труппа пока что приходится говорить не о зрелости, а об инфантилизме. Нерядок, и сожалению, в искусстве труппы молодого инфанта с позиций «Дайте мне!.. И я тогда!..», привыкшего переключать ответственность с себя на возникающие трудности и обстоятельства.

«Что у тебя за душой?» — беспощадно спросит у вновь созданного театра (представим себе на минуту) заставший нас деде. А за душой пусто, потому что многое растеряно в безделье, пустопорожних разговорах, ненужной конфронтиции, что естественно, не прибавило ни мастерства, ни знаний, ни кругозора, ни достоинства. Какой смысл в новом театре, если играть в нем будет все тот же актер, переспрашивающий на репетиции, что такой Патрик и кому он писал сонеты!.. А стоит спектакли все тот же режиссер с самолюбивыми претензиями, позволяющий себе в припаде гнева у всех на глазах крушить декорации!..

Чуть требовательней подсчитай коллектив свою творческую «казну», и пришел бы к выводу: не хватает, образно говоря, девяти гривен до рубля. Не жалуются о себе актерские индивидуальности, нет репертуара, нет, наконец, режиссера-лидера.

«Где наш Данко!» — вздыхают актеры. «Боже, с кем я работаю!» — сокрушается ре-

жиссер В. Абрамян. Но и та, и другая сторона уверена, что не устраивающие ее личности в новый театр не поладут.

Последние постановки труппы — «Любовь, джаз и черт», «Король-Дроздоборода», «На всякого мудреца довольно простоты» — откровенно слабые, непрофессиональные работы, в особенности, вторая — по существу вульгарно искаженная нравственную идею знаменитой сказки (труппы окрестили ее «дроздобреда»), и спектакль по Островскому — очень далекий от замысла драматурга.

Ну, не инфантилизм ли это? В курилке и дома мечтает об эксперименте, ставящем коллектива в условия жесткой самодисциплины и самоотдачи, а на сцене в ожидании перемены демонстрирует полную неготовность ни к тому, ни к другому, проваливая спектакль за спектаклем...

При всех издержках материально-технической стороны театр сегодня получает дотацию 290 тысяч рублей, возмещая государству лишь 90. Право, о самоокупаемой студии хорошо рассуждать, пока в кармане бренчат родителские деньги на мелкие расходы. Ведь финансовая самостоятельность с зубами лишь творчески крепкому коллективу. Если трезво взглянуть, нет сегодня в труппе ни творческого, ни организаторского ядра для нового коллектива. Режиссер Б. Левин не выдержал аттестацию. С. В. Абрамян актеры отказались работать, написав заявление руководству труппы. Может быть, сами артисты, мучимые творческой неудовлетворенностью, провалили хоть какую-то инициативу для реализации своих возможностей? Увы... Может быть, обуреваемые жадной перемен, они своими идеями не дают житья Министру культуры? Нет, тогда только из-за квартир...

...Мы многого ждем от перестройки. Она долгожданна. Но откуда наша вера в то, что стоит открыть новый театр — и любой актер будет играть талантливо, учредить еще один журнал — и бездарный писатель напишет шедевр, дописать в оркестр две скрипки — и композитор осящет гениальным сочинением? Если мы не переделаем сначала себя, себя в первую очередь, не предельным строгим счет творческой требовательности, то вчерашние и сегодняшние наши бескрылости и леньность дискредитируют любое новое начинание.

Е. ПРИХОДКО.